

КАТЕГОРИЯ ДРУГОГО В РОМАНЕ «АЛЛАХ НЕ ОБЯЗАН» АХМАДУ КУРУМА

Д. М. Лукьянова

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
darya_lukyanova_2013@mail.ru;
науч. рук. – Е. А. Борисеева, канд. филол. наук, доцент*

В статье рассматривается категория Другого в романе кот-д'ивуарского писателя Ахмаду Курума «Аллах не обязан». Вторая половина XX века характеризуется всплеском локальных конфликтов на территории бывших африканских колоний. В данном романе Курума исследует тему гражданских войн на континенте через фигуру ребёнка, оказавшегося в гуще вооружённых столкновений. Раскрывая особенности художественного универсума Ахмаду, во многом обусловленного образом нарратора, репрезентирующего гибридную идентичность, автор выявляет внутреннюю разрозненность Африки.

Ключевые слова: гибридная идентичность; категория Другого; нарратив; постколониальная литература; травма.

После окончания Второй мировой войны Франция и Бельгия переживают эпоху деколонизации – обретения независимости бывших колоний и рост национально-освободительных движений. Формирование суверенной государственности в странах Африки сопровождалось установлением авторитарных режимов общественно-политического управления, кризис которых привёл к всплеску жестокости и военным столкновениям. В конце 1960-х, когда в африканской литературе преобладали рассказы о колониализме и рабстве, кот-д'ивуарский писатель Курума Ахмаду уже был язвительным критиком политических режимов континента после обретения независимости. Он считал своим долгом предавать огласке происходящие острые события: «*Prenez Allah n'est pas obligé. Je n'invente rien, la presse a déjà tout dit. Par exemple qu'on coupait les bras aux gens pour les empêcher de voter, ce qui est une idée saugrenue, incroyable, non? Cela n'a pas provoqué beaucoup de réactions. Mais quand c'est un écrivain qui les raconte, les choses prennent une autre dimension*» [3, p. 4 – 5] (Возьмём «Аллах не обязан». Я ничего не выдумываю, журналисты уже всё рассказали. Как людям, например, отрубали руки, чтобы они не смогли голосовать, – это безумная, невероятная идея, не так ли? Однако это не вызвало бурной реакции. Но когда об этом рассказывает писатель, всё приобретает другие масштабы. (*Здесь и далее перевод критических статей и интервью наш. – Д. Л.*)). В результате большую часть своей жизни Курума провел за пределами родной страны. Его роман «Аллах не обязан» (*Allah n'est pas obligé, 2000*) рассказывает историю мальчика по имени Бирахима, столкнувшегося с ужасами войн в Либерии и Сьерра-Леоне. Будучи очевидным символом будущего во всём мире, ребёнок имеет особый статус в культурах Африки, и поэтому неудивительно, что во второй половине XX века большое количество произведений, созданных африканскими писателями, были сосредоточены на детях («Чёрный ребёнок» Камара Лэй (*L'Enfant noir*,

1953, Гвинея); «Песчаное дитя» Тахара Бенджеллуна (*L'Enfant de sable*, 1985, Марокко); «Карты» Нуруддин Фарах (*Maps*, 1986, Сомали).

Образ ребёнка активизирует категорию Другого как основополагающий концепт современного транскультурного принципа самосознания, предполагающего наделение голосом «маргинальных» представителей гибридной идентичности (женщина, ребёнок, автохтон и др.). Путешествуя из родной деревни в Кот-д'Ивуаре, Бирахима отправляется на поиски дома своей тётки в Либерии, надеясь, что она усыновит его. Но как только мальчик пересекает границу, он быстро оказывается втянутым в бушующую там племенную войну. Бирахима получает АК-47, запас наркотиков и приказ убивать.

Повествование представляет собой нечто среднее между языком, который нарратор называет «p'tit nègre» (уничижительное название для французского языка с упрощенным синтаксисом, на котором говорили жители бывших французских колоний), сленгом малинке, а также словами, взятыми из «Ларусс», «Малого Робера», «Словаря лексических особенностей французского языка в Черной Африке» и «словаря Хэррапа». Этот спонтанный стиль отражает как юный возраст нарратора, так и его травмированную личность: «Le traumatisme de l'enfant soldat ne l'a pas plongé dans le silence, mais lui a donné au contraire tendance à la logorrhée : impossible pour lui de passer sous silence les horreurs qu'il a vues» [4, p. 5] (Травма ребёнка-солдата не погрузила его в молчание, а наоборот, наделила склонностью к патологической болтливости: он не может замалчивать увиденные им ужасы). При помощи гибридного языка романа автор иллюстрирует картину языкового разрыва, который существует между Францией и бывшими колонизированными странами Африки, тем самым осуждая политику невмешательства западных стран в либерийские, сьерра-леонские и гвинейские военные конфликты.

Решение писать по-французски никогда не было результатом выбора писателя по двум причинам. Во-первых, язык народа малинке является устным, и, как правило, не используется в письме; во-вторых, поскольку Курума получил образование в колониальной школе, он вынужден был писать по-французски. За долгие годы, прожитые вдали от дома, Курума несколько отошел от родного языка. Это, однако, не мешает писателю вводить его в свои тексты, используя как богатство французского, так и малинке. В нарративе Курума традиционные европейские приёмы повествования коррелируют с африканскими традициями, в частности, включением фонетических элементов устной речи, которые Курума эффективно влетает в письменную форму. Таким образом, на вопрос о четырёх словарях и языковых особенностях романа Курума отвечает: «Le français est une langue plurielle. Nous, Africains anciennement colonisés, en avons hérité, mais nous devons y forger notre propre territoire pour réussir à exprimer nos sentiments, notre réalité. [...] Si Birahima possède quatre dictionnaires [...], c'est parce qu'il s'adresse à tous ceux qui parlent français : les toubabs (qu'il appelle encore les colons, les Blancs, les racistes), les natives et les francophones» [3, p. 4–5] (Французский язык разнообразен. Мы, бывшие колонизированные африканцы, унаследовали его,

однако мы должны создать свою собственную территорию для выражения своих чувств, своей реальности. [...] Если у Бирахимы есть четыре словаря [...], то это потому, что он обращается ко всем, кто говорит по-французски: европейцам (которых он до сих пор называет колонистами, белыми, расистами), местным жителям и франкофонам). Здесь Курума затрагивает вопрос о франкофонии – одном из наиболее серьёзных последствий французской колониальной политики ассимиляции. Франкофония включает в себя многие культурные, языковые, географические, идеологические, политические и институциональные аспекты. Говорить по-французски – значит транслировать дискурс, колониальные ценности которого изменились в постколониальном мире, где европейская культура Франции сталкивается с аутентичной самобытностью и многоязычием автохтонных народов. Так, ребёнок-солдат, попавший на войну, с самого начала предстает в глазах читателя, репрезентируя не моральные или физические характеристики, а языковые особенности: «Et d’abord... et un... M’appelle Birahima. Suis p’tit nègre. Pas parce que suis black et gosse. Non! Mais suis p’tit nègre parce que je parle mal le français» [5, p. 4] («Ну, значит... во-первых... Звать меня Бирахима. Я негритенок. Не потому, что я черномазый, что я мальчишка. Нет! Я негритенок, потому что с грехом пополам говорю по-французски» [1, с. 3]. – *Здесь и далее перевод романа Нины Кулиш*). Реципиент идентифицирован неоднозначно: открывающая роман сцена колеблется между историей, адресованной народу малинке, и методическим переводом, адресованным бывшим колонизаторам. Таким образом, лингвистические особенности романа символизируют проблемы коммуникации между Африкой и Европой. Курума пишет о поколении, потерявшем надежду на общность и взаимодействие франко-африканской культуры.

История Бирахимы является результатом травмы, которую он пережил, будучи ребёнком-солдатом. В начале романа Курума демонстрирует психологическую особенность своего персонажа: Бирахима испытывает чувство вины за то, что обидел свою мать, её смерть оставила глубокий след в судьбе ребёнка: «À partir de ce jour, j’ai su que j’avais fait du *mal* à ma maman, beaucoup de *mal*. Du *mal* à une handicapée. Ma maman ne m’a rien dit mais elle est morte avec la *mauvaiseté* dans le cœur. J’avais ses *malédiction*s, la damnation. Je ne ferais rien de bon sur terre. Je ne vaudrais jamais quelque chose sur cette terre» [5, p. 13] («В тот день я узнал, что причинил *горе* моей маме, большое *горе*. Причинил *горе* калеке. Мама так ничего и не сказала мне, но она умерла с *обидой* в сердце. Надо мной тяготело материнское *проклятие*. Никогда мне не сделать ничего хорошего на этом свете. И никогда из меня не выйдет ничего хорошего» [1, с. 16]). Лексическая и морфологически-звуковая анафора «*mal*» и производных от неё слов подчёркивает чувство незавершенности в отношениях с матерью, безграничного пессимизма по отношению к своему собственному будущему. Чрезмерная суеверность и набожность, присущая мусульманской культуре, синтезируется с инфантильным взглядом героя, метафоризируя вечное присутствие проклятия, которое заставляет ребёнка двигаться по трагическому маршруту, от которого он не может отклониться.

Говоря о специфике мифологического сознания африканских народов, роман Курума ошибочно называют примером магического реализма, однако его мир, хотя временами и причудливый, совершенно реален. Вера в магию выставляется на посмешище: дядя Бирахимы, Якуба, колдун и заклинатель фетишей, на самом деле мошенник. Когда защитные амулеты, создаваемые им, чтобы защитить бойцов от травм и смерти, оказываются бесполезными, он обвиняет самих жертв: «Les balles ont traversé le colonel Papa le bon malgré les fétiches de Yacouba. Yacouba a expliqué: le colonel avait transgressé des interdits attachés aux fétiches» [5, p. 41] («Фетиши Якубы не помешали пулям прошить насквозь тело полковника Папы Доброго. Якуба потом объяснил почему: полковник нарушил запреты, связанные с фетишами» [1, с. 62]). Примечательно, что фигура мага нетипична для мифологии континента. Через призму детского взгляда Бирахима видит обман именно таким, какой он есть.

Голос ребенка-солдата – это не детский голос: у него забрали детство, герой рано повзрослел. Бирахима также не является солдатом, потому что не стремится к боевой славе и не проявляет мужества. Он уже не ребёнок, но ещё не взрослый: это пограничное и кризисное состояние можно описать с помощью понятия «маргинальность», введенного в научный оборот американским социологом Р. Э. Парком. Он пишет о том, что миграция приводит к возникновению нового типа личности, которому свойственна секуляризация отношений, являвшихся прежде сакральными [2, с. 172]. Под миграцией в таком случае обычно подразумевают международное перемещение как наиболее распространённое и деформирующее, однако Курума демонстрирует миграцию внутреннюю. Распад домашних связей, смена места жительства, а также вовлечение в военные действия разрушают устоявшийся порядок вещей для главного героя: ислам – всё, что осталось от старой жизни, он смотрит на мир и вынужденно взаимодействует в нём с отстранённостью чужака. Проговаривание истории помогает Бирахиме облегчить боль и избежать навязчивого характера травмы. Его голос – свидетельство жертвы и палача, символ равнодушия западных стран к ужасам Африки: «Ils se sont partagé la richesse; ils se sont partagé le territoire; ils se sont partagé les hommes. Ils se sont partagé tout et tout et le monde entier les laisse faire. Tout le monde les laisse tuer librement les innocents, les enfants et les femmes» [5, p. 24] («Они поделили богатства этой страны, поделили ее территорию, поделили людей. Поделили все, что только можно, а весь мир видит это и не вмешивается. И позволяет им убивать людей ни за что ни про что, убивать детей и женщин» [1, с. 34]).

Пытаясь вывести скрытую формулу существования гибридной идентичности в многонациональной Африке, Курума изображает войны в Либерии и Сьерра-Леоне, постоянно деконструируя их природу пародийным дистанцированием с помощью чёрного юмора, построенного по схеме «человек – животное». Этот приём ограждает от пафоса, навеянного патетическим тоном местной прессы, с которым в настоящее время прославляются войны в Западной Африке. Юмор Курума идёт вразрез с исторической правдой, создавая тем самым пространство жизнерадостности

внутри трагического и абсурдного. В результате возникает ситуация, в которой задача человечества заключается не столько в том, чтобы изменить мир к лучшему, сколько в том, чтобы с иронией смотреть на происходящее трагическое зрелище: «Tous les villages que nous avons eu à traverser étaient abandonnés, complètement abandonnés. C'est comme ça dans les guerres tribales: les gens abandonnent les villages où vivent les hommes pour se réfugier dans la forêt où vivent les bêtes sauvages. Les bêtes sauvages, ça vit mieux que les hommes. À faforo!» [5, p. 88] («Все деревни, какие встречались на нашем пути, были пустые, совсем опустевшие, брошенные жителями. Так всегда бывает при межплеменных войнах: жители бросают деревни, людское жилье, и прячутся в лесу, где живут дикие звери. Диким зверям живется лучше, чем людям. Фафоро!» [1, с. 66]).

В отличие от догматических дискурсов – колониального, локально африканского, политического или исторического, объектом которых является истина, романы Курума Ахмаду строятся на принципе дискуссии с абсолютной истиной посредством исторических отсылок и фактов, которые служат уже не подтверждением их существования, а скорее обманом, предлогом для бесконечного умножения версий упоминаемого прошлого. Что осталось от колониальных войн, мистификаций и отцов нации, подаренных в качестве свободы народам Африки, если не фрагментарные, неполные воспоминания?

Так, в романе Ахмаду Курума «Аллах не обязан» образ ребёнка представляет собой художественное воплощение категории Другого. Моральная раздвоенность и внутренний конфликт являются неизменными составляющими гибридной идентичности главного героя, что даёт возможность говорить об имманентности его инаковости: присутствие Другого в структуре личности делает Бирахиму нетождественным самому себе. Описывая историю кот-д'ивуарского ребёнка, Курума демонстрирует общую картину Западной Африки с её межплеменными войнами и ощущением собственной неполноценности и потерянности. В сущности, данный роман является ярким примером постколониальной литературы, затрагивающим проблемы общекультурной и индивидуальной идентичностей, которые составляют основную социально-политическую повестку современности.

Библиографические ссылки

1. *Курума, А.* Аллах не обязан / А. Курума. – Москва : Иностранная литература, 2002. – 96 с.
2. *Парк, Р. Э.* Человеческая миграция и маргинальный человек [Электронный ресурс] / Р. Э. Парк // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 1998. №3. С. 167–176
3. *Argang, C.* L'interview avec Ahmadou Kourouma / L'Express. – 2000. – 1 sep. – P. 4 – 5
4. *Coste, M.* « Je vais vraiment, vraiment raconter ma vie de merde et de damne » : la voix d'un enfant soldat dans « Allah n'est pas oblige » d'Ahmadou Kourouma / M. Coste. – Paris : Acte de Colloque à l'Université Paris Sorbonne, 2016. – 11 p.
5. *Kourouma, A.* Allah n'est pas obligé / A. Kourouma. – Paris : Seuil, 2000. – 106 p.